

Но как только они открыли глаза, оказалось, что ночь уже прошла, и им все еще приходилось думать о будущем.

Будущее...

Если бы так называлось эссе, то кто знает, каким множеством стилей можно было бы его написать, бесконечно заполняя чистый лист бумаги под названием «жизнь». Ци Цзин осознал, что в последнее время он частенько прямо среди бела дня погружался в мечты. Он столько лет был захвачен рабочей беготней, и когда у него наконец-то появился редкий шанс несколько месяцев отдохнуть и освободиться от постоянной нагрузки, его разум внезапно опустел, так что в какой-то момент, он, сам того не осознавая, развил у себя эту привычку.

Особенно ему нравилось мечтать, наблюдая за Шень Янем. Неважно – работал ли тот, готовил ли на кухне или развешивал на балконе одежду, как сейчас... Он всегда будет рядом, наблюдая за ним, пока у него есть свободное время.

- Дай я это сделаю, я повешу, – хотя Ци Цзину было неудобно делать это одной рукой, и он не мог как следует встряхнуть одежду или расправить ее на сушилке, была одна вещь, в которой Ци Цзин оставался непреклонен, – он должен был помогать.

Шень Янь легко усмехнулся, передавая ему сушилку с уже висевшей на ней одеждой. Затем он повесил вешалку, позволив Ци Цзину позаботиться о том, чтобы положить одежду на сушилку. Другие люди вешали одежду в любой последовательности, не особо задумываясь, кому она принадлежала. Но Ци Цзин должен был вешать ее поочередно – одну свою вещь, одну – Шень Яня.

Особых причин для этого не было.

Просто увидев одежду, принадлежавшую им обоим, висящую вместе, слегка качающуюся на ветру, и рукава, время от времени задевающие друг друга, он подумал: это было именно то будущее, которого он желал.

- Хе-хе, – Ци Цзин рассмеялся, сам того не осознав. Зимой погода стояла холодная, поэтому, выйдя на балкон, он должен был дрожать и мерзнуть, но его сердце до краев переполняло тепло.

Обе висевшие рядом рубашки были белыми и почти не отличались по размеру, но у воротника рубашки Ци Цзина не хватало одной пуговицы, так что ее можно было легко узнать, если посмотреть поближе.

Некоторое время он на нее смотрел, а потом сказал, будто бы про себя:

- Я представляю, как состарился и сижу здесь, греясь на солнышке.

Сказав это, Ци Цзин указал на угол балкона, словно предвидя, как там будет стоять стул.

Сначала Шень Янь озадачился, а затем уголки его губ поползли вверх, и он оставил то дело, которым занимался.

- Почему ты воображаешь, как станешь старым?

В этот момент Ци Цзин немного сузил глаза, наклонил набок голову, как будто глубоко задумавшись, затем хмыкнул, поднял подбородок и ответил:

- Знаешь что? Когда человек переживает самый счастливый момент своей жизни, он всегда думает: «Хотел бы я состариться за одну ночь». Люди надеются, что так будет всегда, до самой их старости.

Договорить он не успел.

Ци Цзин не помнил, уронил ли он тогда вешалку, которая была в его руке. Он только помнил то, что, когда Шень Янь шагнул, чтобы его поцеловать, глаза, которые собирались закрыться, скользнули мимо его силуэта, уловив смутную картину развевающейся на ветру одежды и солнечный свет, проходящий сквозь ткань.

Одежда высохла лишь наполовину, и эти бледные, белые солнечные лучи походили на еще не сфокусированные объективы фотоаппаратов, которые превращали все вокруг то ли в реальный, то ли в воображаемый мир. Свет слегка качался – и тени тоже, тени двух рубашек, скользившие взад-вперед по стене.

Вдруг Ци Цзин подумал: удивительно, что люди стали ассоциировать время с солнечным светом и тенями*. Просто обнимать друг друга под такими лучами – вот и покажется, что прошло уже несколько десятков лет. [В китайском языке слово «время» (时间) пишется двумя иероглифами: «свет» – (日) и (月) – «энергия инь, тень, луна, холодный, женское начало» и т.д. В этом контексте Ци Цзин мог подумать об ассоциации свет-тень со словом время, которое произносится так же.]

Идеально... Довольный, он медленно закрыл глаза.

Если бы у «будущего» был запах... Разве он не был бы похож на аромат стирального порошка на зимнем холодном ветру?

Но прежде, чем достичь «будущего», придется столкнуться с «настоящим».

Первым вопросом, который следовало решить Ци Цзину, была покупка машины. Перелом более или менее зажил, так что, если он не вернется к работе, то его текущее положение, не говоря уже о возможном повышении, окажется под угрозой. Если он не купит машину перед

тем, как выйти на работу, то ежедневные поездки от дома Шень Яня до телестанции станут довольно большой проблемой.

А что касается Шень Яня... У того тоже были свои заботы.

Все в ветеринарной клинике знали, что за все те годы, когда доктор Шень там работал, он крайне редко просил отпуск, и даже частенько вызывался на подменные смены и сверхурочные. Но тем не менее, в этом году доктор Шень попросил отгулы уже три раза - из-за того, что он делал это очень редко, старшая сестра, госпожа Пан, могла легко припомнить точное количество. Два предыдущих отгула были даже не на целый день, но на третий раз он взял целых пять суток, израсходовав весь свой ежегодный отпуск, и даже попросил еще два дня - целую неделю - и это воистину стало для всех шоком. Только после дополнительных расспросов они узнали, что все это случилось из-за того, что мать доктора готовилась к операции по удалению опухоли головного мозга. Конечно же, по уважительной причине и из-за сочувствия, руководство клиники подписало разрешение на отпуск.

- Просто это немного странно... Каждый раз, когда доктор Шень просит отпуск, я вижу вас, товарищ репортер, - когда Шень Янь отправился в офис, чтобы подписать бумаги, госпожа Пан погладила маленького Дня Возвращения.

Котенка взяли с собой исключительно для того, чтобы он поторговал своей милотой, пока сестра болтала со стоявшим рядом и улыбавшимся Ци Цзином.

Ци Цзин, ничего не говоря, продолжал улыбаться.

Госпожа Пан была совершенно сбита с толку.

Когда Шень Янь попросил отгул в первый раз, он пришел в клинику с Ци Цзином, которого там давно не видели. Сестра Пан еще помнила, каким изможденным и одновременно свободным Ци Цзин выглядел в то время. Она услышала, что он сломал кость по время автоаварии, и довольно долго за него переживала.

Когда Шень Янь попросил отгул во второй раз, он вернулся в клинику после обеденного перерыва. Ци Цзин тоже вошел за ним и даже поздоровался с ней в коридоре. На тот момент она была уже уверена, что они были соседями.

А сегодня Ци Цзин опять появился вместе с доктором Шенем с котенком в руках.

Возможно, она ошибалась, но этот молодой репортер часто заходил в клинику даже после того, как закончил делать свое интервью, и его отношения с доктором Шенем были невероятно хорошими. Например, тот маленький котенок доктора Шеня, - он прилипал к Ци Цзину так же нежно, как и к Шень Яню, мило мяукая и требуя внимания. Ци Цзин тоже играл с ним очень умело, было видно, что он делал это не раз и не два.

- Я бы сказала, что вы, скорей, не соседи, а живете вместе, - сказала она, сделав свой вывод.

- Ха-ха, - Ци Цзин коротко рассмеялся, не отрицая, но и не подтверждая ее слова.

Побормотав себе какое-то время под нос, госпожа Пан решила, что этому предположению не хватает реальной основы, поэтому, немного поболтав с Ци Цзином, она отбросила эту мысль в сторону.

Пока они разговаривали о планах расширения клиники к концу года, Шень Янь толкнул дверь и произнес извиняющимся тоном:

- Прости, мне нужно было обсудить множество дел по работе, поэтому я задержался в офисе.

- Это неважно, - Ци Цзин улыбнулся ему. - У меня было достаточно времени, чтобы поболтать с сестрой Пан.

Большой День Возвращения еще не успел поприветствовать Шень Яня, как маленький День Возвращения начал громко мяукать, подняв свою маленькую головку из-под ладони госпожи Пан и наострив от радости два пушистых уха. Он сделал все возможное, чтобы языком тела передать этому человеку сигнал: «Пожалуйста, возьми меня!»

- Аяя, посмотрите на это, доктор Шень, - не выдержав, сказала госпожа Пан. - Забудьте о том времени, когда у вас не было кота, теперь, когда вы его усыновили, вы только поглядите, как он вас любит!

...И его любит не только котик. Ци Цзин ничего не стал говорить, а просто улыбался, глядя, как сестра Пан отдает этого парнишку.

Шень Янь взял маленького Дня Возвращения двумя руками, поднес его к своему воротнику и потерся подбородком о мех между ушек котенка. Маленький парнишка от такого обслуживания был счастлив, а значит и вполне доволен. Он лениво зацепился когтями за воротник рубашки Шень Яня, расстегнув его и вытащив наружу тонкий красный шнурок у ключицы. Но на шнурке оказалась вовсе не подвеска, а обычная пуговица.

Обнаружив новую игрушечку, маленький День Возвращения заинтересовался и тут же решил поточить её когтями. К его несчастью, Шень Янь обуздал этот авантюрный порыв, поймал котенка за лапу и не позволил ему создать еще больше проблем.

- Э? - госпожа Пан поправила свои очки для дальновзоркости; ей тоже, как и маленькому Дню Возвращения, было очень любопытно. - Доктор Шень, почему у вас на шнурке пуговица вместо подвески? - раньше она видела, как люди носили на цепочках золотые и серебряные украшения, но в первый раз - как кто-то носит вместо подвески пуговицу.

Услышав ее вопрос, Шень Янь поднял голову и посмотрел на Ци Цзина, стоявшего в стороне. Глаза Ци Цзина сузились от улыбки: он с интересом ждал, что ответит Шень Янь. Тот опустил глаза и сказал:

- Ммм... Хотя это всего лишь пуговица, она для меня имеет особое значение, вот я и держу ее при себе.

- О... Так вот оно как, - сестра Пан кивнула, по-видимому, понимая лишь половину сказанного. Честно говоря, она и понятия не имела, что может символизировать эта пуговица, но Ци Цзин это знал.

После того, как госпожа Пан ушла, Ци Цзин подошел к нему, изогнув губы в улыбке и, не сдерживаясь, протянул руку, чтобы помочь Шень Яню привести в порядок воротник. Большой палец ненароком коснулся той пуговицы и задержался там на некоторое время. С тех пор, как Шень Янь начал носить ее на себе, он частенько неосознанно касался ее рукой.

Ци Цзин не знал, почему, но от этого чувствовал, что Шень Янь принадлежит ему, исключительно ему...

- Ладно, нам пора в больницу, - спустя долгое время Ци Цзин медленно убрал руку, улыбаясь, погладил маленького Дня Возвращения и напомнил Шень Яню о деле.

Полуфиналы кастинга на роли персонажей-мужчин для «Приказа покончить с небесами» уже закончились на прошлой неделе, а на этой настала очередь полуфиналов для женщин. Перед началом финальных прослушиваний у него и Шень Яня оказалось достаточно времени на то, чтобы заняться своими делами в реале. Операция была назначена на пятый день после того, как стали известны результаты обследования, проводить ее должен был хирург из высококласной больницы центра провинции, так что это действительно могло придать любому спокойствия и уверенности.

Каждый день своего отпуска Шень Янь готовил дома три блюда, приносил их в больницу и заботился о той женщине, медленно развивая их общение. Хотя Ци Цзин и ходил каждый день в больницу вместе с Шень Янем, он всегда оставлял его у дверей палаты, позволяя ему отправиться туда в одиночку и давая той женщине провести достаточно времени наедине со своим сыном.

Пока Шень Янь разговаривал с ней в палате, сам Ци Цзин находил место снаружи, где мог присесть и просмотреть в интернете странички ближайших автосалонов.

До этого у Ци Цзина помимо работы было еще больше работы, так, что его личная жизнь представляла собой совершенно чистый белый лист, поэтому он и занимался тем, что листал онлайн странички с интернет-сплетнями. Но теперь свое свободное время он тратил в основном на проблемы реальной жизни. В особенности часто в эти дни он звонил в банк и каждый день советовался с коллегами и друзьями, которые купили машину. Все это он делал для того, чтобы выполнить необходимые процедуры как можно скорее. Кроме того, ему нужно

было время, чтобы расторгнуть контракт на старую квартиру и забрать оттуда свои вещи.

Что же касалось Башни Бронзового Воробья, Нефритовой Бабочки, всех этих заговоров в темноте и прочего... У него действительно больше не было времени, чтобы обращать на них внимание.

С приближением полудня в здание стационара начало входить и выходить больше людей: кто-то подходил, чтобы передать еду, кто-то выходил на улицу, чтобы поесть вместе с пациентами.

Ци Цзин проговорил с автодилером почти два часа, голос у него охрип, и он, устав, прислонился к стене, чтобы немного отдохнуть, однако глаза у него не переставали работать. Профессиональная привычка заставляла наблюдать за людьми, ходившими вокруг, будто движения каждого человека и выражения их лиц сами собой могли создать у него в голове новостную статью, которая позволила бы ему встать там с микрофоном и описать все это.

Хотя он и не выискивал взглядом ничего особенного, но все-таки неосознанно обращал более пристальное внимание на проходившие по коридору пары.

Тут гуляла юная парочка - было непонятно, кто из них лежал в больнице. Они шли по коридору не спеша, нога за ногу, и держались за руки, словно хотели стать едины душой и телом. Мальчик даже поцеловал девочку в щеку, они оба воплощали собой картину преданной любви и не обращали внимания ни на чьи взгляды.

Была еще пожилая седовласая пара, которая вела себя не столь интимно, как молодая, но все же постоянно поддерживавшая друг друга. По-видимому, ноги пожилой госпожи были уже не так здоровы, ходила она неустойчиво, но пожилой господин рядом с ней не стал ее подгонять, а просто сказал:

- Сегодня хорошая погода, давай поедим на улице, - и терпеливо пошел рядом со своей старенькой женой.

И все же...

Рядом с юношей всегда было место для девушки.

А рядом со старичком - место для старушки.

Ци Цзин смотрел, как они проходят мимо него, и усмехнулся легким, всезнающим смешком, но потом опустил голову и снова отстранился, глядя на свои колени.

- Ци Цзин.

- А, - он тут же очнулся и понял, что Шень Янь стоит позади него, улыбнулся и встал со скамейки. - Ты уже поговорил с тетужкой? Как у нее дела, сегодня все прошло гладко?

Шень Янь не стал кивать или качать головой - он только посмотрел на Ци Цзина. Через какое-то время он вздохнул и тихо произнес:

- Тебе действительно не нужно сидеть каждый день на улице, если ты пойдешь со мной, это проблемой не будет.

Ци Цзин был ошеломлен и не знал, куда отвести взгляд.

- Ах... Если я буду внутри, тетужке может быть тяжело говорить о некоторых вещах. Ну и кроме того, вы вдвоем обсуждаете свои семейные дела, это личные проблемы, и говорить о них с посторонним, таким как я, может быть немного неуместно...

Шень Янь открыл рот и перебил его:

- Я никогда не считал тебя посторонним.

Выражение лица у Ци Цзина немного дрогнуло. Он почувствовал, как в сердце разлилась сладость, но, подумав о том, что они все еще находились в больнице, и было бы нехорошо слишком откровенно демонстрировать свои чувства, он только протянул указательный палец и слегка погладил им ладонь Шень Яня, нежно улыбаясь.

- Я знаю, - если бы Ци Цзин мог, он подошел бы ближе и прошептал ему бы эти слова на ухо, но, к сожалению, вокруг было слишком много людей. - Но тетужка не обязательно может так думать. Несмотря ни на что, я знаю ее всего лишь несколько дней... Я никогда не появлялся перед ней вместе с тобой, ты не думаешь, что из-за этого ей будет неловко?

- Если честно, то она хотела пригласить тебя вместе со мной сегодня на обед, - неожиданно сообщил Шень Янь.

- Э? - конечно же, Ци Цзин сразу не сообразил, что происходит.

Справедливости ради, это приглашение было разумным, хоть и неожиданным. В конце концов, именно он стоял за этим воссоединением матери и сына, так что в каком-то смысле та женщина была перед ним в большом долгу. Так что придираться к тому, что она пригласила его на обед, не стоило - просто он не чувствовал себя готовым к этому, вот и все.

- Ты не против? - может, он сам этого и не осознавал, но нервозность в его словах была заметна, как и в том, как он отдернул ладонь.

- Что ты так волнуешься? - Шень Янь внезапно схватил его за правую руку.

Ци Цзин не ответил на его вопрос - он открыл рот, чтобы сказать что-то, но ничего произнести не смог, только в конце концов покачал головой. Он поднял опущенные глаза и улыбнулся Шень Яню со своей обычной теплотой. Невозможно было разглядеть, что он как-то изменился.

- Тогда пошли, нам не следует заставлять тетушку ждать так долго, - сказал он, но все же вытянул руку из хватки Шень Яня, интимно похлопал того по плечу, повернулся и первым направился в палату. Шень Янь на мгновение растерялся, но потом молча последовал за ним.

Цвет лица у той женщины оказался намного лучше, чем был тогда, когда Ци Цзин увидел ее в первый раз, и взгляд был уже не таким мрачным и пустым. Увидев человека, который в тот раз первым завел с ней разговор, женщина все же немного отвела взгляд. Ци Цзин поддерживал свою учтивую улыбку, терпеливо ожидая, пока она не поднимет голову и не посмотрит ему в глаза, а затем поздоровался с ней.

- Здравствуйте, тетушка.

Женщина робко кивнула, улыбка у нее была слабовата, но она не забыла жестом попросить его присесть для разговора. Ци Цзин поблагодарил ее и сел на стул возле кровати.

- Тетушка, как идут приготовления к вашей операции?

- Все хорошо...

- Эта больница - одна из лучших по медицинским технологиям во всей провинции, так что, тетушка, вам не нужно надумывать себе лишнего, все будет хорошо, если вы отнесетесь к операции с оптимизмом.

- Угу.

- Сейчас холодно, и, выйдя на улицу, можно простудиться, но вы все равно можете прогуливаться по зданию. Лучше тренировать свои мышцы, так вы станете сильнее, чем если будете просто лежать на больничной койке, да и свой разум настроить так гораздо легче. Я делал это, когда лежал в больнице, так что как насчет того, чтобы я повел вас прогуляться, когда мы закончим обедать?

- Большое спасибо...

Эта женщина была неразговорчивой, но сильной стороной Ци Цзина как репортера было умение вести беседу, так что дело шло довольно хорошо.

Ци Цзин в принципе не расспрашивал ее о том, как развиваются их с Шень Янем отношения, он задавал вопросы только об ее нынешнем самочувствии и рассказывал ей о кое-какой связанной с операцией информацией, которую он нашел, подбадривал ее и тому подобное. Все это время женщина почти постоянно слушала его молча, изредка произнося в ответ то тут, то там несколько слов. Шень Янь же, сидя у стены, слушал их разговор, доставая из сумки сегодняшней обед.

- Шень Яню действительно повезло иметь такого друга, как вы, - вдруг с чувством тихо вздохнула эта женщина.

Выражение лица у Ци Цзина слегка изменилось, словно кадр, который замер на две-три секунды, прежде чем он неосознанно повернул голову, бросив взгляд на Шень Яня.

Услышав это, Шень Янь тоже поднял голову, собираясь сказать что-то, но под этим взглядом Ци Цзина застыл как вкопанный. Ци Цзин, словно в замедленной съемке, моргнул. Когда он моргнул во второй раз, дрожь в его глазах была уже хорошо прикрыта. Затем он отвел глаза и еще раз улыбнулся женщине.

- Это само собой, разумеется, - сказал он. Хотя ответил он с запозданием, его тон был таким же естественным - ни следа волнения слышно не было.

Говоря это, он протянул руку и коснулся тыльной стороны кисти той женщины - естественный жест, чтобы кого-то успокоить. В то же время Шень Янь необдуманно ее окликнул:

- Мама, Ци Цзин - это...

- Не пора ли пообедать? Давай, я помогу тебе накрыть на стол, - Шень Янь не успел договорить, как Ци Цзин перебил его, встав со своего места.

Когда Шень Янь повернул к нему голову, это был уже все тот же воспитанный и культурный Ци Цзин, со своими спокойными манерами. Его улыбка почти не отличалась от прежней.

На мгновение Шень Янь растерялся и не знал, что сказать. Увидев, что тот не реагирует, Ци Цзин перехватил инициативу и забрал из его рук большие и маленькие коробочки, пригласил женщину сесть за стол и даже расставил миски и разложил палочки для еды. Шень Янь, нахмурившись, смотрел, как Ци Цзин суетится, но просто не мог найти подходящего момента, чтобы вернуться к предыдущей теме.

Через некоторое время все было готово.

- Ладно, давайте поедим, - сказал Ци Цзин с удивительно живой улыбкой. - Я действительно проголодался.

Женщина нерешительно села. Ци Цзин уселся напротив нее, но он не ожидал, что Шень Янь, как само собой разумеющееся, усядется рядом с ним. Ци Цзин в замешательстве тайком ткнул его, намекая, что тот должен сесть рядом с женщиной, пытаясь наладить атмосферу между матерью и сыном, но Шень Янь покачал головой – и даже внезапно взял под столом Ци Цзина за руку.

Примечание автора.

Я не знаю почему, но когда я пишу эмоциональную сюжетную линию, она всегда заканчивается неловким молчанием... Теперь, когда я об этом думаю, то выходит, что большая часть оставшегося сюжета вращалась бы вокруг их реальной жизни, я просто... Я действительно ничего не могу поделать, чувствую себя подавленно, и испытываю трудности с творчеством.

Вот почему РАССТАВАНИЕ ЭТО ХОРОШАЯ ИДЕЯ, НЕ ТАК ЛИ (выкручиваю жирный черный на максимум).

Думаю, что это похоже на то, как некоторые читатели говорят: «Я не знаю, как это комментировать, поэтому и не буду». Так что и я могу сделать так и сказать: «Я не знаю, как это написать, поэтому и не буду». Но я уже написала больше сотни глав, так что позволить этому роману умереть здесь, на этом месте, было бы слишком жалко. Я знаю, что многие люди покупают главы по распродаже, а еще многие читают пиратскую версию, поэтому, если здесь нет людей, читающих роман легально и хранящих молчание, мотивация и все такое, все пропало..._(:3□<)_

Вы, конечно, можете с презрением бросить мне в лицо: «Существует столько романов, кому сдался именно этот?» (Выкручиваю скупердьяку на максимум).

<http://bllate.org/book/13906/1225648>